

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.20>

Попов Данил Сергеевич

ЭСТЕТИКА СУЩЕСТВОВАНИЯ КАК КОНТРАСТРАТЕГИЯ МЕХАНИЗМУ БИОВЛАСТИ В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ ПРОЕКТЕ М. ФУКО

Статья рассматривает роль понятия "эстетика существования" в политико-философском проекте М. Фуко. В работе подчеркивается противоречивость фуколядианской концепции освобождения без учета измерения самотрансформации субъекта, что позволяет сосредоточиться на идее эстетики существования как на возможной стратегии действия индивида в условиях биополитики. Анализ понятия "эстетика существования" у М. Фуко показывает, что эстетика себя позволяет избегать биополитической нормализации в процессе конституирования субъекта и выступает условием позитивного духовного опыта, претворяющего интеллектуальную критику биовласти в конкретный философский этос.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/8/20.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 104-109. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

11. Пинк Д. Новый мозг. Почему правое полушарие будет править миром? / пер. с англ. М.: РИПОЛ классик, 2014. 320 с.
12. Поликарпов В. С. Феномен времени и природа человека. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2002. 287 с.
13. Поликарпова В. А. Социальная и культурная антропология (концептуальный аппарат). Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2003. 159 с.
14. Сигэаки Хинохара. Искусство жить. Секреты долголетия от 105-летнего врача. СПб.: Питер, 2019. 208 с.
15. Фурсов А. И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерения. М.: Книжный мир, 2017. 768 с.
16. Шпитцер М. Антимозг / пер. с нем. А. Г. Гришина. М.: АСТ, 2014. 288 с.
17. Юхвид А. В. Компьютерные виртуальные технологии как новый техно-социальный феномен: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... д. филос. н. М., 2013. 49 с.
18. Aarseth E. J. Genre Trouble: Narrativism and the Art of Simulation // First Person: New Media as Story, Performance, and Game / ed. by N. Wardrip-Fruin, P. Harrigan. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. P. 45-55.
19. Aarseth E., Smedstad S. M., Sunnana L. A Multi-dimensional Typology of Games [Электронный ресурс] // Level up: Digital Games Research Conference Proceedings. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/cd45/427429fcf515e11512816f13f587eb749a19.pdf> (дата обращения: 16.05.2019).
20. Dovey J., Kennedy H. W. Game Cultures: Computer Games as New Media [Электронный ресурс]. URL: <https://epdf.pub/games-cultures-computer-games-as-new-media.html> (дата обращения: 15.05.2019).
21. Jarvinen A. Making and Breaking Games. A Typology of Rules // Level up: Digital Games Research Conference Proceedings / ed. by M. Copier and J. Raessens. Utrecht: Faculty of Arts; University of Utrecht, 2003. P. 68-79.
22. Juul J. Games Telling Stories: A Brief Note on Games and Narratives [Электронный ресурс] // The International Journal of Computer Game Researches. 2001. Vol. 1. Iss. 1. URL: <http://gamestudies.org/0101/juul-gts/> (дата обращения: 16.05.2019).

COMPUTER GAMES AS AN INSTRUMENT OF PEACEFUL WAR

Polikarpova Valentina Aleksandrovna, Doctor in Philosophy, Professor
Polikarpova Elena Vital'evna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Southern Federal University, Rostov-on-Don
vapolikarpova@srfedu.ru; nellenele@gmail.com

The article considers computer games from the viewpoint of peaceful war as a state of the modern information society. It is shown that computer games, which use virtual reality technology, have a powerful manipulative potential. The authors reveal manipulative tricks contained in computer games including those causing habituation and painful addiction. The “falling out of time” phenomenon observed among gamers is analysed. The paper concludes that computer games as a high-tech commercial product created on the basis of high-tech technologies can be used as an instrument of peaceful war.

Key words and phrases: computer games; role-playing game; peaceful war; manipulation; technologies; framing; imaginary reality; temporality; network community.

УДК 172

Дата поступления рукописи: 05.06.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.20>

Статья рассматривает роль понятия «эстетика существования» в политико-философском проекте М. Фуко. В работе подчеркивается противоречивость фукольдиданской концепции освобождения без учета измерения самотрансформации субъекта, что позволяет сосредоточиться на идее эстетики существования как на возможной стратегии действия индивида в условиях биополитики. Анализ понятия «эстетика существования» у М. Фуко показывает, что эстетика себя позволяет избежать биополитической нормализации в процессе конституирования субъекта и выступает условием позитивного духовного опыта, пре-творяющего интеллектуальную критику биовласти в конкретный философский этос.

Ключевые слова и фразы: эстетика существования; дисциплинарная власть; генеалогия знания; биополитика; субъективация; практики себя; духовность; философский опыт.

Попов Данил Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Evseyiy-Dan@yandex.ru

ЭСТЕТИКА СУЩЕСТВОВАНИЯ КАК КОНТРАСТРАТЕГИЯ МЕХАНИЗМУ БИОВЛАСТИ В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ ПРОЕКТЕ М. ФУКО

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00826 А «Политизация и деполитизация философии в контексте биополитики: сравнительный анализ полемических дискурсов».

Хотя проблема биополитики была поставлена М. Фуко в 1980-е годы прошлого века, она остается на повестке дня и сегодня, реактуализируясь в самых разных контекстах. Разрабатывается не только её общая теория, но и более частные аспекты: проблема населения, войны, наказания, индивидуации. При этом важно

отметить, что данная проблема рассматривается сегодня, как правило, в контексте борьбы политической. Это справедливо и для современных рецепций проекта самого М. Фуко. В философской и исследовательской литературе фукольдианский проект освобождения описывается по преимуществу в политологических терминах [15, с. 291-292; 17, р. 243; 19, р. 73-75], а для преодоления биовласти, в свою очередь, иногда предлагаются сугубо политические стратегии [6]. Современные авторы подчеркивают, что одна из причин тому – распространённость ошибочной ассоциации феномена власти в фукольдианском понимании с терминами «правительство», «правительственная ментальность», «государственное управление» [4, с. 184]. На наш взгляд, попытка критиковать современную биополитическую реальность с таких позиций оборачивается утратой ключевого для политико-философского проекта М. Фуко измерения духовности и философского опыта самого субъекта.

В этом отношении **актуальным** видится перепрочтение работ М. Фуко с целью акцентировать внимание на невозможности адекватной интерпретации его политического проекта без учета идеи необходимости самотрансформации субъекта. Вместе с тем, говоря об этической составляющей фукольдианского политического проекта, мы сталкиваемся с целым кластером концептов: «практики себя», «забота о себе», «культура себя», «этика или эстетика себя» и т.д. Неразличенность этих понятий между собой, а также их исторического и концептуальных измерений зачастую порождает неясность в контексте разговора о политическом аспекте фукольдианской философии.

В этой связи мы ставим своей **целью** продемонстрировать в концепциях М. Фуко связь между, с одной стороны, идеей выхода из биополитики к свободе и, с другой – практиками духовности, которые разворачиваются в самом субъекте. Для этого мы полагаем необходимым, во-первых, показать невозможность изъятия из политико-философского проекта М. Фуко этической составляющей и, во-вторых, сосредоточиться на понятии «эстетика существования», попытавшись дать его концептуальный анализ как ключевого элемента фукольдианской идеи освобождения.

Отметим, что подобное рассмотрение содержит в себе элемент **научной новизны**. Ведь хотя и отечественные, и зарубежные исследователи не оставляют без внимания данный концепт, значимость эстетики существования как возможной стратегии свободного построения собственной субъективности в мире биополитики, как правило, не оказывается в фокусе внимания. Во многом это связано с тем, что термин «эстетика существования» часто преподносится практически как синоним для термина «забота о себе» [1, с. 83], что уводит его рассмотрение в широчайшее поле этической проблематики. При анализе этого концепта исследователи зачастую делают упор именно на книги М. Фуко [17; 18]. Не преуменьшая значимость последних, мы считаем необходимым обратиться и к содержанию лекционных курсов философа, которые раскрывают значимые аспекты исследуемого концепта.

Недостаточность «политологизации» политико-философского проекта М. Фуко

Прежде чем перейти к анализу роли эстетики существования в политико-философском проекте М. Фуко, необходимо показать невозможность его адекватного описания через сугубо политологическую терминологию, которая отсылала бы к необходимости изменять прежде всего какие-либо внешние структуры и исключала (или отодвигала на второй план) работу над самим собой. Это проблема носит достаточно серьезный характер. Так, ни для кого не секрет, что из-за невозможности однозначной квалификации воззрений М. Фуко многие считали его то историком, то политологом, но никак не философом, а некоторые мыслители, признававшие М. Фуко таковым, все же не склонны выдвигать во главу угла аспект духовности, философского опыта, который, на наш взгляд, является ключевым для понимания критического проекта мыслителя. И если наблюдатель рассматривает его идеи исключительно как научные, исторические или политические в собственных смыслах слов, то он, скорее всего, будет настаивать на их противоречивости и нежизнеспособности.

Примером такого рода прочтения может послужить критика М. Фуко Ю. Хабермасом в работе «Философский дискурс о модерне». Критический пафос последнего в отношении данной темы оказался значимым настолько, что «бросил тень на философские рецепции работ Фуко» [17, р. 243]. В частности, критикуя генеалогический проект, Ю. Хабермас обращает внимание на то, что генеалогия проводит свои разыскания альтернативного, маргинального и малоизвестного знания, не связанного с господствующим обыденным знанием. При этом он вносит важное уточнение: «Под этим [знанием] Фуко понимает в первую очередь не сумму скрытых и сохранившихся знаний, а опыт, который накопили эксплуатируемые властью группы; он не артикулирован в официальном знании. Речь идет о скрытом знании “человека” как основы систем власти; именно люди, пострадавшие от власти, или те, кто являются функционерами механизма власти, несущего страдания, ощущают на себе воздействие технологий власти» [15, с. 291]. Разумеется, попытка борьбы на таком основании является самопротиворечивой, что Ю. Хабермас немедленно и подчеркивает. «Всякое сопротивление власти, – замечает он, – развивается в горизонте власти и в случае победы оно преобразуется в новый властный комплекс, который, в свою очередь, порождает сопротивление» [Там же, с. 292].

Иными словами, знание-опыт угнетенных общественных групп, добываемое генеалогией, неспособно привести к реальному освобождению, поскольку в случае победы угнетенных их знание будет репрессивным по отношению к другим людям. Стойкое ощущение, что, по Ю. Хабермасу, генеалогический (и политический) проект М. Фуко исчерпывается альянсом знания-учености исследователя и знания-опыта угнетённых, подтверждает и то, что раздел, содержащий в себе эту критику, заканчивается констатацией бессильности генеалогического проекта для политического освобождения буквально несколькими строками ниже.

Справедливо, что М. Фуко видел необходимой генеалогией знания в целях освобождения [13, с. 353]. Представляется, однако, что для самого философа проблема стояла несколько по-иному. Он явно был озабочен не только проблемой дисциплинарных властных отношений, о которых ведет речь Ю. Хабермас

(подчеркивая проблему альтернативного знания *угнетенных* групп), но и проблему биовластных форм самообразования субъекта [18, р. 527]. Техники биополитики присутствуют на всех уровнях социального тела, в самых разных общественных институтах (семья, школа, армия, полиция), на уровне экономики и медицины, производства и потребления, человека как родового существа и индивидуальности. Нормализация жизни стала главным фактором несвободы: современный человек *знает* про себя все, что, как полагает, должен знать: «...что значит быть видом живого в мире живого, иметь тело, условия существования, статистическую продолжительность жизни, индивидуальное и коллективное здоровье, силы, которые можно изменять, и пространство, где они могут быть распределены оптимальным образом» [8, с. 247]. В такой ситуации, конечно, нельзя говорить об освобождении путем смены одного нормализующего знания на другое. Но нельзя и вести речь о свободе, совершая генеалогическое разыскание какой угодно информации и при этом за пределами рабочего кабинета ведя жизнь обычного среднестатистического человека.

М. Фуко прямо пишет, что генеалогия и знания, и современного состояния субъекта (чтобы не сводиться к простому утверждению или к пустым мечтам о свободе) должна являть собой экспериментальную установку: продолжаться в *нашей работе* над самими собой и, в конечном счете, являться философским этосом [13, с. 353]. Историко-критическая рефлексия должна подвергнуться «испытанию в конкретной практике» [Там же, с. 358]. В этом отношении стоит отметить те интерпретации, которые призывают не полагать *абсолютной* дискретности между «ранним» и «поздним» М. Фуко; между «генеалогическим» и «этическим» периодами его творчества [5, с. 650]. Как пишут исследователи, можно утверждать, что М. Фуко в своих поздних работах пытался сформулировать этический ответ на проблемы, которые он диагностировал, занимаясь генеалогией: проблемы современного субъекта и властных отношений, в которые он вовлечен [18, р. 529].

С этой точки зрения нельзя говорить о том, что генеалогия власти, политики и контроля над населением (и последующая борьба в политическом пространстве) исчерпывает рассматриваемый проект мыслителя. Генеалогическое разыскание не имеет то или иное знание (или даже знание-опыт) заключительной целью своего стремления, а лишь подготавливает почву для конкретных практик. Если генеалогия М. Фуко разъясняет, «как мы стали теми, кто мы есть в контексте исторических условий, сделавших возможными таких субъектов, как мы, то фукольдианская этика проецирует это разъяснения в будущее для того, чтобы мы могли стать иными» [Ibidem]. В этой связи необходимо обратиться к понятию «эстетика существования».

«Эстетика существования»: на пересечении политического жеста и философского опыта

Как упоминалось выше, политическая функция эстетики существования часто не оказывается в фокусе внимания. Между тем именно в контексте разговора о практиках свободы в мире современной политики М. Фуко часто обращается к теме эстетики себя. Показателен тут фрагмент из лекций в Коллеж де Франс 1981-1982 гг. Философ, говоря об этике и эстетике себя, прямо отмечает: «Её создание – задача, по видимому, насущная, главная, политически необходимая, если и впрямь, сопротивляясь политической власти, опереться на что-либо, кроме как на то, как ты сам к себе относишься, больше не на что» [9, с. 278].

Такого рода надежды М. Фуко относительно эстетизации существования можно найти в целом ряде его интервью. Так, например, в беседе философа с П. Рабиноу и Х. Дрейфузом (1983) отмечается, что, хотя у нас есть явное желание свободной частной жизни, «нынешние освободительные движения страдают от того, что не способны отыскать принцип, на основе которого можно было бы построить новую этику. Им нужна этика, но они могут найти лишь этику, опирающуюся на так называемое научное знание» [12, с. 137]. М. Фуко полагает, что данная проблема схожа с ситуацией, возникшей на определенном этапе развития греческого общества. Именно тогда предметом беспокойства древних греков выступило создание такой этики, которая бы была эстетикой существования. Эта мысль снова повторяется в той же беседе [Там же, с. 141], встречается и в интервью с А. Фонтана (1984) [14, с. 299].

Важное и существенное упоминание эстетики себя в контексте разговора о политическом возникает также в беседе с С. Реггинсом (1982). М. Фуко подчеркивает: его интеллектуальная работа – эстетизм, самообразование, ведь чистое знание «не может сделать для нас ничего, а политическая власть может нас разрушить. Все знания мира не могут ничего против этого» [16, р. 130]. И добавляет: «Я знаю, что знание может трансформировать нас, что истина это не только способ расшифровки мира... но что, если я знаю истину, я изменюсь. И, возможно, буду спасен» [Ibidem, р. 131].

Вместе с тем нужно признать, что политическое значение проекта «эстетика существования», взятого из текстов и интервью философа, остается несколько абстрактным. Это справедливо не только для описания конкретной механики действия такой эстетики. Конечно, говорить о ней значит говорить в некотором смысле и о «заботе о себе». Последняя, очевидно, связана с духовными упражнениями, техниками, практиками себя и т.д. Тем не менее подключение к рассуждению дополнительных понятий, хоть и близких, но не тождественных концепту «эстетика существования», скорее не устраняет, а усложняет проблему, переадресовывает её другим инстанциям. Непроясненным здесь остается сам существенный статус эстетики существования, который бы позволил провести (или стереть) разграничительную линию между ней и таким фукольдианскими концептами, как «практики себя», «забота о себе», «эстетика себя».

Начать анализ фукольдианского понятия «эстетика существования» можно, обратившись к материалам курса «Герменевтика субъекта». Хотя выше мы привели оттуда значимое высказывание М. Фуко о важности эстетики себя для практик свободы в современности, эта проблема там только намечается. Концепт «эстетика существования» в этом курсе не представлен, а различного рода упоминания об эстетике (или культуре) себя устойчиво появляется в контексте разговора о практиках себя или заботе о себе. Так, М. Фуко довольно много рассуждает о «*tekhne tou biou*» – искусстве существования. Но это понятие, с одной стороны, просто отсылает читателя к общеизвестному изменению в характере философии, которое наметилось со времен

Сократа, когда в центре внимания все более оказываются проблемы человека и его жизнь [9, с. 103, 201]. С другой стороны, искусство существования оказывается теми принципами жизни древнего грека (как должно поступать в тех или иных ситуациях), которые не могли регламентировать не только полис и закон, но и религия [Там же, с. 485]. Но лишь на определенном этапе развития греческой мысли *tekhnē tou biou* выступит основой для формирования заботы о *себе* или даже станет синонимична ей [Там же, с. 201, 485-486]. Встречается лишь один фрагмент, в котором философ ведет речь о такой *tekhnē tou biou*, которую вскоре назовут эстетикой существования [Там же, с. 471]. М. Фуко пишет там о возможности такого искусства существования, которое, стремясь сделать жизнь добротным и красивым произведением и придать ей форму, предполагает свободу и возможность выбора. Тому, кто хочет, чтобы его жизнь была произведением, кто хочет использовать её как надо, не надо загромождать голову массой правил, которым он должен следовать и от которых ему никуда не деться [Там же, с. 459]. Этой модели, находящей свой исток в Античности, противоположен тот способ жизни, который европейцу предложило христианство. По мысли М. Фуко, именно в рамках церкви получила развитие модель пастырской власти – прообраз современной биополитики. Институт церкви стремился «управлять людьми во всем, вплоть до их каждодневного существования под предлогом того, что он ведет их к вечной жизни в мире ином» [7, с. 208], а западный человек «тысячелетиями учился относиться к себе как к одной из множества овец, он тысячелетиями учился искать для себя спасения у пастыря» [Там же, с. 188].

Своеобразный итог этих изысканий философа можно усмотреть в опубликованном в 1983 г. введении ко второму тому «Истории сексуальности». Там М. Фуко предлагает дефиницию искусств существования. Они суть «практики рефлексивные и произвольные, с помощью которых люди не только устанавливают себе правила поведения, но стремятся также преобразовывать самих себя, изменять себя в своем особом бытии и делать из своей жизни произведение, которое несло бы некие эстетические ценности и отвечало бы некоторым критериям стиля» [10, с. 280].

Идея подобно проекту понятна: если в настоящем мы не предпринимаем попыток культивировать себя эстетически – вне предписываемых диспозитивом образов действия [2, с. 139], – «кто-то или что-то выполнит эту работу над нами за нас» [18, р. 532]. Ключевые составляющие проблематики эстетики существования, таким образом, кажутся очевидными. Преобразование себя, эстетизация, стиль существования в той мере, в какой это возможно, предохраняют нас от объективации жизни [3, с. 344]. Но несмотря на то, что вышеприведенная дефиниция находится в контексте проблематики поиска свободы в мире всеобщей нормализации, думается, что это можно назвать лишь негативным аспектом эстетики существования. В свете материалов, представленных в лекциях философа 1983-1984 гг. в Коллеж де Франс («Мужество истины»), нам представляется возможным раскрыть значение эстетики существования как позитивной программы.

В этой связи любопытно проследить мысль М. Фуко о соотношении философии и духовности, начав с разбора им диалога «Алкивиад» в курсе «Герменевтика субъекта». Философ намечает там важную двойственность. Поскольку для Платона познание возможно только при некоем движении души, обращенной на *себя*, платонизм становится благоприятным горизонтом для возникновения и развития целого ряда духовных движений (т.е. движений, которые ставят во главу угла «поиски, практику и опыт, посредством которых субъект производит в себе самом изменения, необходимые для того, чтобы получить доступ к истине» [9, с. 27]). Но поскольку от обращающегося к себе требуется именно познание неких автономных сущностей (собственной души, божественного в себе), платонизм оказывается полем, в котором набирает силу и движение познания, которое обходится без всякой духовности, – рациональность [Там же, с. 94-95]. Эта оппозиция между движением духовности и рациональности в платонизме показывает, что забота о себе может содержать в себе амбивалентность духовного и недуховного, свободного и подчиняющего принципа.

Совершенно другим предстает взгляд М. Фуко в курсе «Мужество истины». Он уже не концептуализирует оппозицию внутри «Алкивиада», а приводит её к общему знаменателю и противопоставляет ей совсем иную стратегию – стратегию, представленную Платоном в диалоге «Лахет». Философ пишет, что в «Алкивиаде» представлена веридикция, которая, опираясь на повсеместно присутствующую тему заботы о себе, имеет цель вернуть душе *изначально присущий* ей образ жизни и служит основанием для традиции «метафизики души». С другой стороны, в «Лахете» утверждение себя достигается уже не с помощью какой-либо отличной от тела онтологической реальности (души), но через тему *bios*. Это утверждение себя «не как души, но как жизни и образа жизни» [11, с. 167]. И этот образ жизни, который, как думается, представляет собой вершину или острие заботы о себе, прямо называется здесь «эстетикой существования» (хотя вместе с этим термином употребляются еще и стиль / стилистика / искусство существования [Там же, с. 168-170]). Однако философ идет дальше и утверждает, что тематика такого рода существования оказывается связана с вопросом о *правдивой жизни, жизни по истине и жизни ради истины* [Там же, с. 170] и по сути представляет собой вопрос о философском и духовном опыте.

Здесь, в тексте последнего лекционного курса М. Фуко (вскоре после окончания которого болезнь прервет его жизнь), перед нами открывается действительно новый аспект эстетики существования. Об этом пишет и сам философ, подчеркивая, что область отношения между прекрасной жизнью и высказыванием истины для него нова и требует целого ряда исследований, которые он не успел провести [Там же]. Действительно, сама по себе забота о прекрасной жизни у греков была господствующей темой еще со времен Гомера или Пиндара; она была архаичным, древним и традиционным для греческой культуры феноменом, который М. Фуко пристально исследовал в последние годы своей жизни. Однако одной из заключительных интенций философа стало связать заботу о прекрасной жизни и вопрос об истине; проследить, когда «сошлись стремление к красоте жизни и задача отчитаться о себе в игре истины... тема отношения между высказыванием истины и прекрасной жизнью» [Там же]. Неслучайно тематика такой эстетики существования возникает у М. Фуко в контексте изучения им кинизма (именно ему по большому счету посвящен курс «Мужество

истины»). Ведь именно у киников связь «между определенным образом жизни и приверженностью к высказыванию истины тем более замечательна, что устанавливается... непосредственно, без доктринального посредничества, или во всяком случае в довольно рудиментарных теоретических рамках» [Там же, с. 172-173]. Кинизм, по мнению философа, не ограничивается тем, чтобы приводить в гармонию некий тип речи и соответствующую этим принципам жизнь, что служило главной идеей стоической и эпикурейской заботы о себе [9, с. 360; 11, с. 218-219]. Образ жизни и истина связываются в этой философской школе иным способом: форма существования делается здесь сущностным условием высказывания истины; практикой, расчищающей место для высказывания истины, а также способом сделать так, «чтобы в жестах, в телах, в манере одеваться, в манере вести себя проглядывала сама истина» [11, с. 179].

Таким образом, очевидно, что эстетика существования в политико-философском проекте М. Фуко не ограничивается попыткой избежать предписываемых реальностью (онтологической, социальной, дискурсивной) образов действия. Такая эстетизация может представлять собой и философскую жизнь, которая дает принцип и форму выражения субъектом *своей истины* о самом себе и о других и, возможно, о мире. Более того, эстетизирующий собственное существование субъект принимает на себя ответственность за правдивость своей жизни и собственный духовный опыт: от него требуется мужество воплощения своей истины в жизнь.

Важно, что, по мысли М. Фуко, метафизика души и эстетика существования, или, в других терминах, доктринальная традиция и традиция существования [Там же, с. 219], есть ни много ни мало «точки отсчета двух основных линий эволюции рефлексии и практики философии» [Там же, с. 135]. Ведь с точки зрения М. Фуко, история западной философии представляет собой неразрывное единство доктринальных традиций и традиций существования. Поэтому она могла бы быть представлена не только как история идей, но и как история тех форм, стилей и типов жизни, которые сопровождали эти идеи и воплощались в конкретном этосе их носителей как в формах философского героизма [Там же, с. 220]. И хотя после того, как философия стала профессией университетского преподавателя, в XIX веке философская жизнь исчезла [Там же, с. 221], мы со всей очевидностью видим необходимость её возрождения.

Итак, целью этого исследования было продемонстрировать связь в концепции М. Фуко между проблемой выхода из биополитики к свободе и тех практик духовности, которые субъект должен производить в себе. Мы начали эту работу с рассмотрения противоречивости истолкования фукольдианского проекта освобождения как разворачивающегося исключительно в политической плоскости. На основании анализа текстов самого М. Фуко, а также опираясь на критическую литературу, мы установили, что краеугольным камнем его политико-философского проекта является этическое измерение – идея самотрансформации субъекта. Это существенно ввиду того, что биополитика не опирается на трансцендентные субъекту структуры: её практики и механизмы разворачиваются в самом индивиде. В дальнейшем мы попытались показать, что возможные контрстратегии такому положению вещей связаны в концепции М. Фуко с понятием «эстетика существования». Его анализ позволил выявить не только несомненную соотношенность эстетики существования с фукольдианской идеей выхода из биополитики к свободе, но и её существенный статус как духовной практики; самотрансформации, являющейся не просто попыткой бегства от «нормальности» дискурса, но теснейшим образом связанной с высказыванием субъектом истины, с его правдивостью в этом деле и ответственностью, которую он несет за *собственный* этос.

Как же может работать такая эстетика существования в современности? Мы указывали, что современный субъект находит себя в ситуации превратной биополитической реальности. Но, пытаясь проводить генеалогическое разыскание, показывая случайные корни всего того, что принимается обществом за нормальное, достоверное и не подлежащее сомнению знание, этот субъект оказывается в ситуации, когда, по-видимому, вопрос о какой-либо внеисторической истине, несомненной и самотождественной реальности ставиться не может. Субъект пребывает здесь на границах знания. И нам представляется, что одной из возможных стратегий действия в такой без сомнения опасной экзистенциальной ситуации как раз и может стать эстетика существования, которая делает возможным связать интеллектуальные разыскания индивида и его повседневное существование. Иными словами, эстетизация себя не только позволяет (насколько это возможно) культивировать себя вне предписываемых диспозитивом эпохи рамок, но и дает возможность получения уникального духовного опыта, свободного от доктринальности «метафизических» традиций. Этот духовный опыт, репрезентирующийся в образе существования субъекта, является в некотором смысле философским опытом, опытом истины. Кроме того, такая эстетика существования не предполагает субстанциальности, завершенности, неизменности. Она, напротив, предстает как очень мобильный принцип, способный достаточно гибко изменяться и реагировать на те или иные аспекты, которые открываются перед субъектом через генеалогические разыскания и философскую рефлексию. И хотя, вероятно, говорить об идее какого-либо окончательного освобождения у М. Фуко невозможно, эстетизирующий собственное существование субъект, несомненно, имеет целью своего движения свободу – не как субстанцию или точку на пути, но как что-то, что он всегда заново разрабатывает для себя сам.

Список источников

1. **Асоян Ю. А.** Проект генеалогии: от «генеалогии морали» Ницше к «генеалогии этики» Фуко // Культурология. 2018. № 1. С. 71-91.
2. **Вен П.** Фуко. Его мысль и личность. СПб.: Владимир Даль, 2013. 195 с.
3. **Дьяков А. В.** Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. 672 с.
4. **Каплун В.** Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité*, *Governmentality Studies*, и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // Логос. 2019. Т. 29. № 2. С. 179-220.

5. **Погоняйло А. Г.** Мишель Фуко: история субъективности // Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007. С. 597-662.
6. **Рыхтик М., Квашнин Д.** Современная биополитика и вопросы управления новыми рисками (постановка проблемы) // Власть. 2009. № 8. С. 28-31.
7. **Фуко М.** Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
8. **Фуко М.** Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Магистериум; Касталь, 1996. С. 97-268.
9. **Фуко М.** Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
10. **Фуко М.** Использование удовольствий. Введение // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Магистериум; Касталь, 1996. С. 269-306.
11. **Фуко М.** Мужество истины. Управление собой и другими II. СПб.: Наука, 2014. 358 с.
12. **Фуко М.** О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2. С. 135-158.
13. **Фуко М.** Что такое просвещение? // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3-х т. М.: Праксис, 2002. Т. 1. С. 335-359.
14. **Фуко М.** Эстетика существования // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3-х т. М.: Праксис, 2002. Т. 3. С. 297-304.
15. **Хабермас Ю.** Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
16. **Foucault M.** An Interview by Stephen Riggins // The Essential Works of Michel Foucault. Ethics, Subjectivity and Truth: in 3 vols. N. Y.: The New Press, 1997. Vol. 1. P. 121-134.
17. **Kelly M.** Foucault on Critical Agency in Painting and the Aesthetics of Existence // A Companion to Foucault / ed. by C. Falzon, T. O'Leary, J. Sawicki. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 243-263.
18. **Koopman C.** The Formation and Self-Transformation of the Subject in Foucault's Ethics // A Companion to Foucault / ed. by C. Falzon, T. O'Leary, J. Sawicki. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 526-543.
19. **Lemke T.** The Risks of Security: Liberalism, Biopolitics, and Fear // The Government of Life. Foucault, Biopolitics, and Neoliberalism / ed. by V. Lemm, M. Vatter. N. Y.: Fordham University Press, 2014. P. 59-76.

**EXISTENCE AESTHETICS AS A COUNTERSTRATEGY TO BIOPOWER MECHANISM
IN M. FOUCAULT'S POLITICAL-PHILOSOPHICAL PROJECT**

Popov Danil Sergeevich
Saint Petersburg University
Evsevy-Dan@yandex.ru

The article considers the role of the "existence aesthetics" notion in M. Foucault's political-philosophical project. The paper emphasizes the inconsistency of the Foucauldian conception of liberation without taking into account a subject's self-transformation, which makes it possible to focus on the idea of existence aesthetics as a possible strategy of an individual's action in the context of biopolitics. The analysis of M. Foucault's notion "existence aesthetics" shows that aesthetics of oneself allows avoiding biopolitical normalization in the process of a subject constituting and acts as a condition for positive spiritual experience that turns intellectual criticism of biopower into specific philosophical ethos.

Key words and phrases: existence aesthetics; disciplinary power; genealogy of knowledge; biopolitics; subjectivation; practices of oneself; spirituality; philosophical experience.

УДК 1(091):16:316:340

Дата поступления рукописи: 01.06.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.21>

Статья обосновывает актуальность обращения к проблеме общественных институтов. Утверждается связь между социальным порядком и эффективностью функционирования институтов в условиях современной динамики. Научная новизна исследования состоит в выведении понятия «институт» из преобладающего экономического дискурса в философский. Проанализирован витальный синкретизм политических и правовых институтов. Выводы автора основываются на реалиях принятия политикой и правом цивилизационных контуров и определении выигрышей от правил, которые устанавливаются институтами для сдерживания поведения в рассматриваемых сферах.

Ключевые слова и фразы: институт; социальный институт; политико-правовой институт; общество; порядок; социальное взаимодействие.

Равочкин Никита Николаевич, к. филос. н.
Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт
nickravochkin@mail.ru

ИНСТИТУТ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Изучение проблемы институтов связано с их универсальными возможностями объяснять возникающие в обществе противоречия. Анализ характера институционального развития в сегодняшнем усложняющемся социуме предопределяет обращение не к самым первым историческим формам, но к их максимально соответствующим современному образу. На наш взгляд, повышенное исследовательское внимание к обозначенной